Любопытно, что молодые люди читают литературу на бумажных носителях. 42 процента опрошенных девочек сказали, что читают печатные книги каждый день или несколько раз в неделю; среди мальчиков эта доля составила всего 28 процентов. 20 процентов мальчиков сказали, что никогда не читают книги, для девочек этот показатель составил десять процентов. Доля молодых людей, которые читают книги каждый день, в целом уменьшается с увеличением возраста.

Согласно данным глобального опроса потребителей Statista, книги являются наиболее популярными среди печатных изданий, и в прошлом году их покупали около 38 процентов респондентов. Журналы остались позади с долей около 33 процентов респондентов. Если посмотреть на время использования некоторых печатных СМИ, то, согласно проведённому исследованию, в большинстве СМИ, включая газеты, в последние годы наблюдается спад.

В-четвёртых, показательный опрос провела Statista по тематике читаемых журналов и газет, молодёжь отдаёт предпочтение далеко не политическим и экономическим изданиям. На момент проведения опроса около 61,6 процента немецкоязычного населения в возрасте 14 лет и старше читали руководство по программам или инструкции. Следующими наиболее популярными типами журналов среди участников были журналы или периодические издания по текущим делам и еженедельные женские журналы.

В-пятых, сегодня многие классические носители информации можно найти и в цифровой форме. С развитием Интернета на рубеже тысячелетий предложение газет в режиме онлайн значительно возросло. В 2003 году уже было 631 онлайн-предложение. К 2019 году было добавлено еще 67. Молодые люди в возрасте от 14 до 29 лет в Германии в основном использовали в качестве источника информации веб-сайты, приложения или электронные газеты.

В-шестых, по данным исследования репрезентативности населения в 2021 году *Pressemedien I*, *Bild am Sonntag* имел самый большой охват среди журналов в Германии – около семи миллионов читателей на номер. На втором месте – *Prisma* с 6,74 млн. читателей, на третьем – *Spiegel*. По сравнению с предыдущим исследованием *National Geographic* продемонстрировал самый высокий рост охвата. За ним последовали *Hörzu* и *Chip*.

В качестве заключения можно с уверенностью сказать, что немцы, несмотря на бурные политические процессы в своём обществе, не потеряли доверия к классическим СМИ. В силу того, что на медиарынке появились новые источники информации, такие как, например, соцсети, произошло некое перераспределение реципиентов. Однако большинство жителей Германии испытывают неподдельный интерес к своей прессе, причём это относится не только ко взрослому населению, но и к молодёжи.

1. <https://www.dw.com/ru/%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%8F%D1%82-%D0%BB%D0%B8-%D0%BD%D0%B5%D0%BC%D1%86%D1%8B-%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B8%D0%BC-%D1%81%D0%BC%D0%B8/a-43792471>
2. www.otto-brenner-stiftung.de - <https://deru.abcdef.wiki/wiki/Otto-Brenner-Stiftung>
3. <https://philosophia-perennis.com/2017/06/09/werner-j-patzelt/>
4. <https://de.statista.com/>

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л.

Отражение психоэмоционального состояния адресанток в женских письмах периода Великой Отечественной войны

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Соликамск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2021-274

Аннотация

В статье на эпистолярном материале, созданном женщинами в период Великой Отечественной войны, анализируется психоэмоциональное состояние адресанток и способы его выражения в письмах, отправленных как из действующей армии, так и из тыла.

Выявлены разные стратегии передачи настроения в зависимости от доминирующей интенции, особенности языковой личности адресанта и его отношений с адресатом.

Ключевые слова: лингвистическая персонология, языковая личность, эпистолярный текст, военно-историческая антропология, психоэмоциональное состояние адресанта.

Abstract

The article is based on epistolary material created by women during the Great Patriotic War, analyzes the psycho-emotional state of the addressees and ways of expressing it in letters sent both from the active army and from the rear. Different strategies of mood transmission are revealed depending on the dominant intention, the peculiarities of the addressee's linguistic personality and his relationship with the addressee.

Keywords: linguistic personology, language personality, epistolary text, military-historical anthropology, psycho-emotional state of the addressee.

Письма военных лет неоднократно были объектом исследования представителями разных отраслей гуманитарного знания – историками, социологами, психологами, культурологами, литературоведами, лингвистами, которые изучали эпистолярии Первой мировой и Великой Отечественной войн в разных аспектах [1; 2, с. 160; 3, с. 165; 4; 5; 5 и др.]. Результатом многочисленных наблюдений над перепиской военного периода стали выводы о различной информативной ценности этих источников в зависимости от целей исследователя: одни письма в большей степени отражают фронтовую повседневность (бытовые условия и военные эпизоды), другие – психологическое состояние солдата, третьи – взаимоотношения фронтовиков и тех, кто остался далеко в тылу [7, с. 189–190].

Интерес ученых к психическому состоянию комбатантов обусловлен стремлением описать их поведение в экстремальных условиях войны. Это стало одним из направлений исследования в рамках новой научной дисциплины – военно-исторической антропологии. Ее основатель, Е.С. Сениявская, считала важной реконструкцию «совокупности факторов, влияющих на формирование и эволюцию психологии комбатантов», а также «изучение психологических явлений и феноменов на войне», «особенностей самоощущения человека в боевой обстановке» [8, с. 41–42]. В частности, по мнению Е.С. Сениявской, «страх в бою – естественное чувство, вызванное инстинктом самосохранения <...>. Страх является одной из форм эмоциональной реакции на опасность» [9, с. 123]. Психическое состояние фронтовиков и его эволюция рассматривались нами ранее на материале военной переписки, которая хранится в региональных музеях Северного Прикамья [10; 11].

Опыт предпринятого ранее анализа позволяет утверждать, что любой фронтовик, помимо страха, испытывает на войне широкий спектр чувств и эмоций: гнев и ненависть, тоску по дому, тревогу за родных, воодушевление от успешных боевых действий и др. При этом вербализация проявлений чувственной сферы, по мнению ученых, вызывает у человека серьезные затруднения. Как считает В.И. Шаховский, «[м]ногие аспекты человеческой жизнедеятельности просто не передаются словами: язык беднее действительности» [12, с. 16]. В первую очередь сказанное относится к вербальному обозначению эмоционально-волевой сферы. Подобные «муки» слова при выражении своих чувств и эмоций могут приводить не к прямой, а опосредованной передаче человеком своего внутреннего состояния.

Кроме того, исследователи называют факторы, сдерживающие откровенное выражение чувств и эмоций во фронтовой переписке. Так, например, Н.Н. Макарова обращает внимание на эмоциональную приглушенность в выражении чувства любви в личной переписке военных лет. По ее словам, «[п]одобная сдержанность объяснялась наличием цензоров, практикой публичного чтения писем перед сослуживцами на фронте и домочадцами, друзьями, соседями в тылу» [2, с. 163–164]. Представляется, что фронтовики воздерживались от эмоциональных описаний экстремальных ситуаций и связанных с ними своих психических состояний, чтобы не тревожить своих близких. Нельзя также не

учитывать того, что «одна и та же эмоция выражается разными языковыми личностями по-разному, в зависимости от множества факторов» [12, с. 16], включая особенности психотипа адресанта и его отношения с адресатом.

Изучением структуры и особенностей языковой личности в современном научном дискурсе занимается основанная В.П. Нерознаком лингвистическая персонология [13], получившая свое развитие в работах ряда ученых [14; 15; 16 и др.]. Описание языковой личности в ее универсальных и индивидуальных проявлениях в рамках лингвистической персонологии обуславливает выбор текстов естественной письменной речи в качестве источника анализа. Одним из подобных источников является приватная переписка, в которой снижен контроль за текстопорождением, благодаря чему в ней отражаются психоэмоциональные состояния адресанта.

Материалом данного исследования стали письма жительниц Урала периода Великой Отечественной войны, опубликованные на сайте «Письма Победы» [17]. При этом анализ проводится на основе выставленных там автографов, поскольку обнаружены расхождения между оригиналами и приведенными на этом сайте расшифровками. Из 11 привлекаемых к анализу писем 6 отправлены из действующей армии и 5 – с тыловых территорий. Все письма адресованы ближайшим родственникам (сестре, брату, матери, дочери) и принадлежат 10 корреспондентам. Письма различны по объему, написаны в разных ситуациях и потому отражают разные состояния адресантов.

Поверхностные наблюдения над эпистолярными текстами позволяют увидеть, что доля эмоциональной составляющей в них неодинакова. Есть письма, в которых передача своего настроения не осознается адресантом как значимая интенция, а потому оно явственно не вербализуется, но может быть определено по некоторым косвенным признакам. Противоположны по прагматической установке письма, в которых трансляция своих переживаний является ключевой мотивацией адресанта, и поэтому они репрезентируют его доминирующее психоэмоциональное состояние. В ряде писем невозможно выделить какую-либо ведущую эмоцию, но при этом в них обнаруживается эмотивная палитра, включенная в политематический нарратив.

Так, в 2-х из 11 исследуемых писем психоэмоциональное состояние адресанток почти не передается. В частности, письмо И.А. Хохловой двоюродному брату Василию, только что призванному в армию, носит почти исключительно информативный характер. Лишь в заключительной части письма прорываются тревога и опасения, что они могут больше не встретиться. Это выражается в двух фразах, напоминающих заклинание: *Мы должны еще много раз увидеться с тобой. Эта наша встреча не должна быть последней* (И.А. Хохлова брату В.П. Полянцеву из Чкаловской области в Челябинскую). – (Здесь и далее при цитировании писем сохраняются авторская орфография и пунктуация) В очень коротком письме Анастасии брату Георгию реализуется главным образом фатическая функция, но фраза *посылаем семь писем – и восьмую открытку, а от тебя пока еще не получали, ждем каждый день твоих писем* (Анастасия брату Г.А. Павлову из Чкалова в Молотовскую область) свидетельствует о тревоге и беспокойстве адресанта.

В 5-и из 11 писем обнаруживается ведущая интенция – передача своего психоэмоционального состояния (которое у адресантов разное). В 2-х письмах выражается целый спектр чувств, вызванных разлукой: тоска по дому и родным, воспоминания об эпизодах далекой мирной жизни, мечты о возвращении на родину.

Например, Таисия Максимовна Липовцева, обращаясь к старшей сестре, эксплицирует свои ощущения в следующих фразах: *в задумчивости, в мечтах о будущем, вспоминая прошлое, вспомнила о тебе, моя родная <...> Хочется встретиться – ужасно.* Данная ситуация, очевидно, является для Таисии фрустрирующей, поскольку она осознает невозможность ее разрешения. В попытке адаптироваться к обстоятельствам, которые нельзя преодолеть, Таисия находит слова, помогающие и ей, и адресату принять ситуацию: о своем желании встретиться – *Но ничего после победы;* о долгом ожидании писем – *Пока*

дождешься, но ничего, сие от нас не зависит. Нам нужно понять. Хотя редко да получаю (Т.М. Липовцева сестре Д.М. Липовцевой с Карельского фронта в Уфу).

Письмо Лидии Михайловны Мусницыной матери состоит из двух частей: начинается оно довольно пространством стихотворением Евгения Долматовского «В России багряная осень...» и заканчивается коротким собственным эпистолярным текстом. Части письма различаются по тому, как в них передается переживание разлуки. В оригинальной части вычитывается лишь любовь-тоска в таких фразах, как: *Родная мамуська!!! <...> Не больна ли ты? Без твоих писем очень тоскую <...> Я очень скучаю. Береги себя. Крепко целую и обнимаю.* Поэтическая составляющая письма, благодаря образной природе стихотворного текста, помогает Лидии раскрыть глубину мыслей и чувств, которые она не может вербализовать самостоятельно. Стихотворение передает чувство любви-тоски более объемно – его испытывают и фронтовики, и их родные в далеком тылу: *Печальные наши родные / К семи затемняют окно. / Четвертую осень в разлуке / Им верить и ждать суждено <...> И мы ненаглядным своим / Тоскуя о родине милой / Сквозь тысячи верст говорим...; А в сердце Россия, Россия.../ Любовь и тоска и мечта!* Стихотворение позволяет адресанту более явно выразить надежду на победное завершение войны: *Но время счастливое близко.* Кроме того, по-видимому, важной для адресанта представляется выраженная в поэтическом тексте идея волевой установки на действия, приближающие победу и встречу с родными: *Тоска наполняет нас силой <...> А мы, зарядив автоматы / И снова припомнив свой дом, / За Вислу, за Сан, за Карпаты / Все дальше и дальше пойдем* (Л.М. Мусницына матери Н.Ф. Мусницыной из Польши в Орск). Таким образом очевидно, что включение в послание Лидии стихотворного текста, смысл которого созвучен настроению адресанта, вызвано теми самыми затруднениями в вербализации своих ощущений, о которых говорил В.И. Шаховский. Стихотворение как бы восполняет «недовысказанное» в собственном нарративе.

Мотив беспокойства о родных, оставшихся в тылу, достаточно часто встречается в письмах фронтовиков. В частности, он доминирует в письмах Евы Колпаковой и Александры Васильевой. Послание Евы Колпаковой родным в Чкаловскую область наполнено заботой о родителях: *А папка опять наверно целыми днями и ночами работает. Папка ты пожалуйста брось работать в хор. кружке ж-д. клуба. Я вам буду высылать еще по 500 р. в месяц, кроме аттестата, только не работайте так много, а больше отдыхайте. Вы ведь не молодые уже. Нужно и отдыхать немножко.* Наряду с этим, Ева стремится вселить в родителей оптимизм, уверяя, что «[с]коро немцам будет "капут"» (Е. Колпакова родным в Чкаловскую область из действующей армии).

Александра Васильева в коротком письме сестре, наряду с беспокойством (*Беспокоюсь за твое долгое молчание*), выражает и раздражение: *Ужели у тебя нет не минуты свободного время, черкнуть пару слов* (А. Васильева сестре А.М. Климовой в Свердловскую область из действующей армии). Представляется, это раздражение связано с неведением, что происходит с родными, и тревогой по этому поводу. По-видимому, именно об этом говорит Е.А. Юнина, утверждая, что «[п]ричиной беспокойства за судьбу оставленных дома родных являлось длительное отсутствие писем, а основанием восстановления душевного баланса (в том понимании, какой он мог быть на войне) служило долгожданное получение известий» [6].

Самым ярким по выражению чувств, без сомнения, является письмо Александры Матвеевны Исаковой дочери Клавдии. Весь его текст – это воплощение безысходного чувства горя, которое вызвано гибелью на фронте девятнадцатилетнего сына Михаила. Отчетливее всего скорбь матери проявляется в ее словах: *Миша, погиб погибла и радость жизни для меня слезы и тоска догробовой доски <...> не встретить мне Миши необнять моего дорогого сына неприжат к сердцу матери непоселоват его милое лицо <...> с 16 апреля я выплакала все глаза повелили сильные головные боли незнаю как перенести это горе – великую скорбь мою.* О глубине материнского переживания говорят не только эти строки, но и весь дискурсивный ряд. Так, из письма мы узнаем о том, что, получив от сослуживца

известие о гибели сына на три недели раньше, чем официальную похоронку, Александра Матвеевна питала себя отчаянной надеждой, что весть ошибочна: *я не писала тебе думала что это ошибка но теперь уже надеется не на что все*. На остроту щемящей душевной боли указывают мучительные воспоминания о словах сына: *писал он мне что когда мама рвутся гранаты и свистят пули а жить так хочется. эти слова его мне не забыть до гроба* (А.М. Исакова дочери К.И. Исаковой из Свердловска в Кемерово). В целом стиль письма напоминает традиционное обрядовое причитание. По своему однородному и повышенно экспрессивному нарративу это письмо явно выделяется среди всех прочих. Это объясняется тем, что оно является реакцией на трагическое, фатальное для матери событие.

В ряде писем, помимо желания передать настроение, вычитывается и другая, равноценная по актуальности для адресанта, интенция – информировать. При этом можно заметить некоторые различия в тональности нарратива между теми письмами, которые отправлены с фронта, и теми, которые написаны в тылу.

Представляется, что, чем ближе человек к опасности, тем сильнее обостряются его чувства, эмоции, восприятие реальности. Видимо, именно поэтому письма фронтовиков отличаются большей глубиной выражаемых переживаний.

Так, Л.М. Мусницына в письме к матери описывает свои впечатления о концлагере на освобожденной территории в Польше: *посетила жуткое кладбище устроенное гитлеровцами <...> ужас берет при взгляде на крематорские печи в которых сжигали людей, на слитки сплавленных костей человеческих, на бесчисленное множество их под ногами. Печи эти разрушены, но и в таком виде они выглядят злое. Всю картину дополняют местами сохранившиеся ряды колючей проволоки. Здесь был концлагерь.. Всего описать нельзя – пойми, что жутко* (Л.М. Мусницына матери Н.Ф. Мусницыной из Польши в Орск). Наряду с этим, в ее письме затрагивается ряд других тем:

- беспокойство о матери и тоска по ней: *Опять от тебя давно нет писем. <...> Строю всякие предположения и все же надеюсь на лучшее. Меня беспокоит состояние твоего здоровья. Береги себя <...> Очень тоскую, родная, по тебе. Часто на тебя гадаю, а молится здесь негде, разве что про себя? Будь здорова, моя славная. Пиши чаще, береги себя. Крепко, крепко целую и обнимаю;*
- фронтовая повседневность: *природа хороша: сосновый лес, тепло... Климат здесь гнусный – с утра солнце, в середине дня дождь, а к вечеру мороз. Получили зимнее обмундирование, значит – будет тепло. Плохо, что нет света, даже лампы у нас в обрез;*
- эмоциональный фон: *Жизнь сера, однообразна; единственная радость – письма, но и ими ты меня не балуешь;*
- ненависть к врагу: *Не забыть этого, как не забыть и других злодеяний немцев <...> фрицы <...> кровью миллионов безвинных людей устроили себе комфорт.*

Письмо Н.Н. Бажановой к матери, при всей своей краткости, касается нескольких тем, наиболее значимой из которых представляется выражение любви во фрустрирующей ситуации: это и тоска по дому и родным (*Я сегодня тебя видела во сне – мы ехали на пароходе по Волге... Вспомнилось все былое...*), и забота о матери, и желание рассеять ее беспокойство (*Как ты живешь, родненькая? Здорова ли? <...> не волнуйся, <...> Знай, что со мной ничего не может случиться, ты по-моему уж сама в этом могла увериться*), и проявление нежности (*Тебя осыпаю поцелуями*) – (Н.Н. Бажанова матери А.П. Бажановой из действующей армии в Молотовскую область). Наряду с этим в письме присутствует и информативная составляющая – краткие сведения о себе.

Письма, написанные в тылу, производят впечатление более эмоционально уравновешенных, потому что адресанты, несмотря на испытываемые ими тревожные чувства, находятся вне экстремальных военных событий. Это позволяет им (при отсутствии

плохих новостей о родных с фронта) сохранять более оптимистичный эмоциональный настрой и психологическую устойчивость.

Так, тон письма Клавдии Ивановны Исаковой брату Михаилу отличается спокойной обыденностью. По основной части нарратива это письмо напоминает послание из довоенной мирной жизни. Клавдия пишет:

- о своей работе и здоровье: *живу по-прежнему. На работе все благополучно. А вот здоровье от частого отравления хлором, аммиаком и хлористым водородом начинает сдавать;*
- о бытовых условиях: *Квартирка наша очень маленькая, уютная; в центре города, в каменном доме на третьем этаже, с паровым отоплением и водопроводом <...> В общем квартирой мы вполне довольны;*
- о ностальгии по родному Уралмашу: *трамвайная толкотня напоминает большой город, родной Уралмаш <...> она [Валя Калашникова], оказывается живёт на Уралмаше и я ей несказанно завидую. Почему я не на УЗТМ?*
- о том, как проводит свободное время: *На днях смотрела кино «Радугу», а читаю «Наполеона» Е.Тарле.*

И только три фрагмента письма:

- обращение к адресату: *Здравствуй, дорогой брат-солдат!;*
- то, как Клавдия поздравляет брата с наградой: *Поздравляю, Мишенька, с наградой, но предпочла бы чтоб ты ненагражденный, да был дома, а не на фронте;*
- строки в конце письма: *За сводками, Мишенька, слежу, но не знаю на каком ты направлении. Может быть в числе тех, которые сражаются в Румынии?! (К.И. Исакова брату М.И. Исакову из Кемерово в действующую армию) – содержат приметы военного времени и выдают тревогу адресанта за близкого человека.*

Текстовое доминирование в письме «будничных картин» можно объяснить как желанием хотя бы на время погрузить фронтовика в мирную повседневность, так и, возможно, неосознаваемой суеверностью – боязнью вербализовать свои тревоги и опасения.

Письмо Нины Ведерниковой матери Анне Панкратьевне не столько эмоционально уравновешенно, сколько этикетно-отстраненно и во многом состоит из расхожих фраз. В отличие от всех других писем, в этом послании не ощущается подлинной эмпатии адресанта. Вероятно, такая манера объясняется тем, что речь в письме идет о знакомых, но не о близких людях: *Вместе с Александрой переживаю ее горе. Но пусть очень не убивается, ведь ни у одной у нее такое горе, это общее горе, много не только получили ранение, а больше – многие отдали свою жизнь. Ведь война. А на войне не без жертв* (Н. Ведерникова матери А.П. Ведерниковой из Москвы в Свердловскую область).

Таким образом, анализ всех писем подтверждает мысль О.В. Чураковой о том, что «эмоция – это реакция на внешний стимул, чаще всего на событие» [5, с. 253]. Чем важнее для адресанта событие, тем ярче его эмоциональная реакция. Восприятие действительности во многом определяется психотипом языковой личности, которая адаптируется к среде. При этом, как пишет Е.С. Сеньявская, «все основные, базисные элементы психологии человека, оказавшегося в роли комбатанта, формируются еще в мирный период, а война лишь выявляет их с наибольшей определенностью, акцентирует те или иные качества, связанные с условиями военного времени» [18, с. 11].

Изученная нами переписка военных лет позволяет наблюдать различные способы трансляции психоэмоционального состояния адресанта в зависимости от особенностей языковой личности – психотипа и культурно-аксиологических установок, а также от характера отношений с адресатом. Есть индивиды, для которых передача своего состояния не является значимой интенцией, но если они находятся в близких отношениях с адресатом, то их подлинные чувства выражаются в неявной подтекстовой форме. Для других описание

своих состояний представляется важным, и они открыто вербализуют свои чувства и переживания. Часть из таких адресантов осознает ограниченность своих возможностей в глубине и точности передачи всего спектра переживаемых психоэмоциональных состояний. Они включают в свои послания поэтические тексты, созвучные их настроению (а если могут, порождают их сами).

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-00343
«Лингвоперсонологические портреты жительниц Северного Прикамья на основе
региональных эпистоляриев первой половины XX века».*

1. Иванов А.Ю. Эпистолярный текст как источник исследования структуры индивидуального сознания // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 249–255. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13568490> (дата обращения 25.10.2021).
2. Макарова Н.Н. "Пока живой – писать буду...": Повседневность чувств эпохи Великой Отечественной войны (по материалам личной переписки магнитогорцев) // Новейшая история России. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург. 2016. № 3 (17). С. 159–174. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28141847> (дата обращения 25.10.2021).
3. Старостин К.А. Письма фронтовиков как объект лингвистического исследования // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 165–177.
4. Сухотерина Т.П. Фронтовое письмо как жанр естественной письменной русской речи // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 249–251.
5. Чуракова О.В. «Душа человеческая разрушается от войны...»: письменные источники периода Первой мировой войны как ресурс гендерно ориентированной истории эмоций // Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ. 2019. Vol. 18, № 2. С. 246–277. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37712852_24546944.pdf (дата обращения 28.10.2021).
6. Юнина Е.А. Военная повседневность 1941–1945 гг. в эпистолярных документах сибирских комбатантов // Genesis: исторические исследования. 2019. № 11. С. 65–100. URL: https://e-notabene.ru/hr/article_30885.html (дата обращения 28.10.2021).
7. Белоглазова Г.Н. Письма с фронта как исторический источник времен Великой Отечественной войны // Мир науки, культуры, образования Учредители: ООО Редакция научного международного журнала "Мир науки, культуры, образования" (Горно-Алтайск). 2013. № 2 (39). С. 188–191. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18955543_71624734.pdf (дата обращения 28.10.2021).
8. Сенявская Е.С. Военная антропология как новая научная дисциплина: перспективы развития и значение для обороноспособности России // Вестник Академии военных наук. 2004. № 3. С. 39–42.
9. Сенявская Е.С. Фронтная повседневность Великой Отечественной войны: опыт конкретно-исторического исследования // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сб. науч. ст. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 121–143.
10. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Человек на войне: эволюция мировосприятия (на материале частных писем Т.В. Антипина) // Языки и литература, театр и искусство: Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 42–64.
11. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Языковая картина мира фронтовиков (на материале частных писем участников Великой Отечественной войны) // Междисциплинарные исследования в социально-гуманитарных науках : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 ноября 2018 г. : в 3-х ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2018. Часть I. С. 20–27.
12. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.
13. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. С.112–116.
14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
15. Мельник Н.В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка. URL: http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/pdf/2011_1/2011_1_Mel%27nik.pdf (дата обращения 13.10.2021).
16. Плесовских Т.С. Лингвоперсонология в контексте антропологического подхода // Science Time, 2014. Вып. № 4 (4). С. 173–179.
17. «Письма Победы» <https://pismapobedy.ru/letters/>
18. Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Издательский центр ИРИ РАН, 1997. 209 с.